Министр РМ и ряд политиков считают одним из факторов повышения качества образования единый государственный экзамен (ЕГЭ).

По их мнению, данный государственный экзамен призван на практике решить проблемы оценки качества школьного образования. Он вроде бы оказывает положительное влияние на учащихся, заставляет более усердно относиться к учебе. Однако врачи и педагоги в один голос говорят, что нагрузки современной школы, в том числе и национальной, становятся непосильными для неокрепшего детского организма. ЕГЭ стал настоящим испытанием на прочность психики выпускников. Психологическая нагрузка оказывается непосильной для школьников. Только в одном из пунктов сдачи ЕГЭ из 400 выпускников за медицинской помощью вынуждены были обратиться 14 человек. Таким образом, возлагать особые надежды на ЕГЭ, думается, нет больших оснований. Очевидна необходимость более эффективных, глубоко продуманных форм и методов учета знаний учащихся, повышения качества образования школьников. На наш взгляд, этому может способствовать совершенствование всей образовательной политики Российского государства. Нельзя перекладывать эту важнейшую задачу на плечи местных органов власти, что в наши дни стараются настойчиво проводить. У родителей и всей общественности республики возникает озабоченность – сможет ли местный бюджет обеспечить всю полноту финансирования деятельности образовательных учреждений и особенно национальных школ, требующих вложения значительных средств, связанных с обучением на родном языке. Ведь не секрет, до сих пор многие национальные школы республики не в полной мере обеспечены соответствующей литературой, учебниками и вспомогательным оборудованием. Местное финансирование школ уже проводилось в стране в 1930-е гг. И тогда же от него отказались из-за возникшего кризиса в системе школьного образования.

Я, как историк и учитель с более чем полувековым стажем зная, что только общегосударственная программа совершенствования деятельности всех школ и национальных в особенности сможет дать образованию XXI века новое качество.

К ВОПРОСУ О СОБИРАТЕЛЬСТВЕ КАК ХОЗЯЙСТВЕННОМ ЭЛЕМЕНТЕ У КУМАНДИНЦЕВ ПРЕДГОРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ

Байжуманова Н.К.
Бийский государственный педагогический университет им. В.М. Шукшина

Дореволюционный Алтай являлся отсталой сельскохозяйственной окраиной царской России. Все земли, леса, воды и недра согласно «высочайшего повеления» составляли «частную собственность государя-императора» и находились под управлением «Кабинета Его Величества».[1]

Коренное население - алтайцы - «не представляло собой единой народности в строгом смысле этого слова», а делилось на обособленные родоплеменные группы: алтай-кижи, теленгиты, телеуты, тубалары, кумандинцы и челканцы. «Между этими группами существовало различие, и иногда довольно глубокое, как по языку, так и по культуре».[2]

Алтай входил в состав Бийского уезда Томской губернии. По административному устройству алтайцы распределялись между волостями Комляжской, Южской, Кергежской, Кузенской, Нижне-Кумандинской, Верхне-Кумандинской и 7 дючинами. Кроме того, имелись две Чуйских волости, которые по характеру расселения примыкали к дючинам.

В основе образования волостей лежал территориальный принцип. Что же касается дючин, то они не имели определенной территории, а объединяли алтайцев, принадлежащих к тому или иному роду (сеоку), независимо от их места проживания. Так что, например, в одном урочище могли проживать алтайцы, принадлежавшие к различным дючинам. Всего на Алтае, по подсчетам П. Е. Тадыева, насчитывалось 200 родов.[3]

Во главе волостей стояли родоплеменные старосты по русскому образцу, а дючинами управляли зайсаны - родоплеменные князьки. Их помощниками были демичи, а также более мелкие администраторы - шуленги. Должности зайсанов, родоплеменных старост и демичей считались выборными, но фактически они назначались царскими чиновниками и подлежали утверждению администрацией Томской губернии.[4]

Обычно зайсанами и родовыми старостами становились наиболее влиятельные и богатые баи, готовые выполнить любое распоряжение царской администрации. Официально зайсаны и родовые старосты подчинялись бийскому исправнику, но фактически всеми делами ведал помощник исправника, так называемый отдельный алтайский заседатель, осуществлявший управление с помощью русских писарей.[5]

Раскладкой и сбором налогов ведали зайсаны и родовые старосты. Сами же зайсаны и их помощники, как представители администрации, от налогов освобождались. Они же вершили суд и расправу. Вместе с тем коренное население на общих основаниях подчинялось крестьянским начальникам, а их судебные дела были подведомственны мировым судьям.

Такой порядок управления существовал вплоть до административной реформы и землеустройства, проведенного в 1911-1913 гг., когда алтайские дючины были преобразованы в волости, образованные по территориальному признаку, а зайсанат заменен копией русского волостного управления.

---

[1] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.991, л.7.

[2] Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. // «Записки Горно-алтайского НИИ». Вып.6-й, Горно-Алтайск, 1964, с.5.

[3] Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. // «Записки Горно-алтайского НИИ». Вып.6-й, Горно-Алтайск, 1964, с. 7.

[4] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.991, л.7.

[5] Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953, с.122.

После революции 1905-1907 гг. царское правительство, пытаясь смягчить аграрный кризис в центральных губерниях России и сохранить помещичье землевладение, вступило на путь форсирования переселения крестьян на «новые земли». В 1908 году переселенческое управление, предприняв обследование Горного Алтая, пришло к выводу, что поземельное устройство «всех инородцев возможно на общих основаниях».[6] Споры шли лишь о том, «кому и как устраивать инородцев». Суть споров с циничной откровенностью раскрыл управляющий Кабинетом. В специальной записке он доказывал, что переселенческое управление неизбежно использует всю территорию Горного Алтая в качестве переселенческого фонда. Между тем в руках своего ведомства (то есть Кабинета — *Н. Б.*) та же территория, помимо надельных земель, могла бы дать для хозяйства округа ценные лесные дачи, огромную площадь оброчных статей при наличности готовых арендаторов...».[7]

В конечном счете, был принят проект начальника Алтайского округа Михайлова, в котором развивалась программа кулацкой, буржуазной эксплуатации края.[8]

Административная реформа устройства нанесла чувствительный удар по феодальным прерогативам зайсанов и баев. Однако положение мало в чем изменилось. Зайсаны и баи, широко применяя подкуп царских землемеров, под видом «пустошей» удержали в своих руках лучшие земли. Кроме того, используя различные формы принуждения, они сосредотачивали в своих руках и душевые наделы разорявшихся соплеменников. Факты подобного рода отмечали даже чиновники, проводившие землеустройство.

Например, при подготовке землеустройства по ур. Кырлык крупнейшие баи Манжи Кульджин, Сапок Баинкин, Саданчик и Шибереков выделили сыновей и потребовали наделить их землей по другим урочищам. «Эта мера, - пояснял чиновник, - даст возможность почти не сокращать число своего стада названном лицам, а задолженность им инородческой массы не вызовет, с ее стороны протеста».[9]

Аграрная и налоговая политики царизма усиливали национально-колониальный гнет, массовое разорение и обнищание кумандинцев. Нелишне отметить, что даже миссионеры Алтайской духовной миссии, преданно служившие царскому самодержавию, признавали грабительский характер землеустройства и налогообложения. Значительная доля плодородных земель, сенокосов и выгонов оказалась в руках русского кулачества. Юридическое оформление землеустройства открывало возможность капиталистической концентрации земельной собственности в форме аренды и различных сделок на землю.

На занимаемой кумандинцами территории отсутствовала удобная земля под значительные запашки, поэтому уровень земледелия у них было крайне низким. Склоны окрестных холмов и гор в конце XIX – начале XX века были покрыты лесом. Выжигать большие лесные массивы под пашню, а затем очищать их и обрабатывать мотыгой, было непосильно мелким индивидуальным хозяйствам. В этих условиях земледелие у кумандинцев не являлось основным занятием, а только выполняло подсобную роль.

Это подтверждают многие исследователи Алтая. Например, начальник Алтайского округа В.П. Михайлов, посетивший Горный Алтай в 1910, отмечал следующий факт: «по Бии и выше в причерневом, черневом и, южнее, в высокогорном районах местная культура хлебных злаков имеет, как было сказано, совершенно ничтожное развитие».[10]

В конце XIX – начале XX века в связи с активным освоением края русскими крестьянами происходит быстрое уничтожение леса, что, в свою очередь, привело к исчезновению зверя. Этим самым была подорвана экономическая основа кумандинского хозяйства, в котором продукты охоты составляли одну из главных статей дохода. Уничтожение леса повлекло за собой и потерю охотничьих угодий - основного средства производства, без которого не могло существовать кумандинское хозяйство при крайне слабом развитии производительных сил.

Таким образом, с упадком и разорением хозяйств, исчезновением в лесах промыслового зверя, а также самих лесных угодий, низким развитием земледелия в хозяйственном укладе кумандинцев огромное значение приобретает собирательство корней съедобных диких растений, целебных трав, меда диких пчел и кедрового ореха.

До появления на Алтае русских продукты собирательства использовались кумандинцами в быту только для своих нужд. Их употребляли в пищу, ими лечились и использовали в домашнем производстве.

Благодаря колониальной политике царизма, и всех вытекающих из нее последствий, описанных выше, собирательство у кумандинцев в конце XIX – начале XX века трансформируется в промысел. Например, собирательство меда диких пчел – в пасечное пчеловодство, собирательство кедрового ореха – в кедровый промысел. Продуктами собирательства в хозяйственном быту кумандинцы стали пользоваться мало. Главной целью стали их сбыт скупщикам из числа кумандинских баев и русских купцов или реализация ее самостоятельно на рынке в г.Бийске и в с.Улалинском.

Деньги, полученные от продажи продуктов собирательства, шли на уплату налогов и приобретение всего самого необходимого для жизни.

Это подтверждают высказывания многих исследователей аборигенов Алтая в конце XIX – начале XX века (В.В. Радлов, П.С. Паллас, В.И. Вербицкий, Г.Н. Потанин, П.М. Юхнев, С.П. Швецов, Н.Б. Богатырев, Н.М. Ядринцев). Например, П.М. Юхнев утверждал, что «скотом кормится и одевается кочевник, а орехом уплачивает ясак, выполняет все обязательные расхо-

[6] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.981, л.101.
[7] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.981, л.102.
[8] Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1953, с.360-367.
[9] Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1986, с.8.
[10] Отчет начальника Алтайского округа действительного Статского Советника В.П.Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. Барнаул, 1910, с.41.

ды и повинности, приобретая все необходимое для жизни, бедняк же – даже предметы питания».[11]

Таким образом, собирательство в хозяйственном укладе кумандинцев в конце XIX – начале XX века в век капитализма, развивающихся торгово - экономических отношений, занимало главное место и являлось одним из главнейших средств существования кумандинского народа.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ: РОЛИ И СТАТУС

Корнишина Г. А.
Мордовский госуниверситет

Субъектами (носителями) традиционной культуры являлись сельская община, семья, а также различные половозрастные группы. Ролевые функции этих групп менялись с течением времени. Так, вероятнее всего, на ранних этапах развития этноса хранителями и основными носителями обрядов были старики. Их ведущая роль сохранялась и позже в общесельских обрядах, символизирующих единство коллектива, а также в обрядах, связанных с культом предков. Роль же общинного «актива» перешла к взрослым женатым людям, особенно в ритуалах, связанных с культом плодородия (в том числе и рождением новых членов крестьянского сообщества). Это было связано с тем, что именно эта группа являлась основной трудовой силой, и от нее зависело воспроизводство самого этноса. Мужские обрядовые функции были связаны с обеспечением удачи в основных полевых работах (пахоте, бороновании, севе). На общем сходе взрослых мужчин выбирался общинный засевальщик или пахарь, то есть те люди, которые начинали пахоту и сев. Они должны были обладать рядом качеств: быть трудолюбивыми, добрыми, честными, с «легкой» рукой. Каждый хозяин и самостоятельно совершал символический засев. Благоприятными днями для его совершения считались вторник и четверг. После моления богам исполнитель обряда шел на загон, где и зарывал зерно вместе с хлебом, куском мяса и яйцом. Символика обрядовых функций мужчин при обработке земли и севе сохранила следы мифологического представления об этих занятиях как о «половом акте» и оплодотворении земли. Особенно явно она проступала при посеве льна и конопли, которые желательно было сеять в обнаженном виде. В обязанности мужчины-хозяина входила также забота о лошадях, которые считались «мужскими» животными. Именно мужчины работали на конях и ухаживали за ними. В течение года проводилось несколько молений о здоровье и размножении лошадей: одно - в начале лета, обычно на Вознесение, другое — в августе, в день христианских покровителей лошадей Фрола и Лавра. В этих молениях принимало участие практически вся мужская часть общины, начиная со стариков и кончая мальчиками-подростками. Важна была роль данной половозрастной группы и в апотропеических обрядах. Одной из главных мужских функций этого рода являлось добывание («вытирание», высекание) нового, живого огня, а также сооружение земляных ворот. Делали их в виде ямы похожей на печь без крыши. Иногда, вместо этого, просто ставили под углом два бревна, или покрывали деревянными балками и торфом специально вырытую канаву. Большое влияние на обрядовую жизнь общины имели и замужние женщины. Многие исследователи мордвы отмечали, что именно они являлись наиболее строгими блюстительницами и исполнительницами семейных и общественных ритуалов. Важна была роль женщин в земледельческом цикле, где четко проявлялась связь женского начала и «родственной» ему стихии земли. Молодые женщины вместе с девушками «зазывали» весну, а представительницы более старших поколений обучали их весенним песням. Взрослые женщины играли главенствующую роль в обрядах «кормления» различных природных стихий: земли, воды, огня, растительности. Они готовили еду каждой из них, так как различался не только набор ритуальных блюд, но и смысл кормления мог быть различен: одних ублажали с просьбой не приносить вреда (ветер, огонь), других – для появления и роста (птицы, растительность). Некоторые обряды, основным моментом которых являлось такое «кормление», были исключительно женскими, о чем уже говорилось выше. На женщинах лежала также и забота по обеспечению «пищей» умерших родственников. Ведущее место занимали женщины в обрядах, проводившихся в период с посева до созревания хлебов, то есть это было время беременности и вынашивания плода нивой, что соответствовало таким же функциям жены и матери в человеческом коллективе. После окончания сева женщины устраивали свои братчины, а во время жатвы они проводили благодарственные моления в честь покровительницы поля.

На взрослых женщинах лежала также практическая и ритуальная забота о скоте, кроме лошадей. Например, «большуха» руководила семейным молением в честь бога свиней. А в осеннем ритуале, посвященном покровителям двора и скотоводства, вообще участвовали только женщины и дети. Мужчины должны были в этот день работать вне дома и возвращаться после окончания данного ритуала. Хозяйки выполняли и обряд первого выгона скота со двора. В случае болезни животных они проводили ночное моление, во время которого просили покровительницу дома и семьи избавить скот от болезни, даровать ему здоровье и силу. Таким образом, в традиционных обрядах мордвы четко прослеживались ритуальные роли семейных мужчин и женщин. С распадом прежней структуры общины обрядовые действия теряли свое значение, и все более становились играми, где главными действующими лицами были молодежь и дети. В настоящее время на первый план вновь выдвинулось старшее поколение, которое сохраняет память о народных традициях и практически выполняет все обрядовые функции.

[11] Горный Алтай и его население. Т. I, вып.II – й. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. Составил П.М. Юхнев. Барнаул, 1903, с.50.